

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ВТОРАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

важнейшем предмете является особенно досадным.

Таким образом, перед нами развертывается картина, ясно свидетельствующая о первоклассном состоянии китаеведной науки в Париже, которая теперь вербует своих прозелитов уже не только из заинтересовавшихся Китаем путем путешествий и других специальных возможностей, но и прямым путем университетского образования, наряду с другими филологическими дисциплинами. Прекращается эпоха писателей с мест; миссионеров, изучавших Китай с целью учить его; консулов, изучавших Китай на досуге от деловых занятий, и других любителей, хотя и дававших от времени до времени ценных деятелей (Legge, Watters). Начинается эпоха настоящей науки третий уже раз, после миссионеров и профессоров Рemyза и Жюльен, основываемой французами, ибо, несомненно, что Шавана, а за ним Пэллио, Масперо, Гранэ, создают ныне впервые отчетливо понимаемую и отчетливо обязательную науку китаеведной филологии.

Остается еще упомянуть о практическом преподавании китайского языка в живущей второе столетие Национальной Школе Живых Восточных Языков (Ecole Nationale des Langues Orientales Vivantes). Опытный, один из самых опытных когда-либо существовавших, преподаватель китайского языка (из бывших консулов) проф. Виссэ, при помощи своих четко выработанных курсов и учебников, а также при помощи туземца, вероятно, достигают попрежнему прекрасных результатов, вырабатывая при ничтожном количестве недельных часов, в течение трех лет очень серьезных знатоков китайского языка. Недостаточность практического преподавания скрывает сам проф. Виссэ, вводящий в свои учебники образцы высоко художественной китайской прозы (например, прозу Хань Юя, IX в. по Р. Хр.). Кроме того, наиболее серьезные и любознательные из учеников Школы, вероятно, попрежнему являются основным ядром аудитории чисто академического Коллеж де Франс.

В. Алексеев.

Арабская академия в Дамаске и ее члены.

Одним из интересных признаков прогресса культурной жизни в арабских странах является возникновение арабской академии в Дамаске. Одинаково интересен и самый факт и место его осуществления — и то, и другое по своему значению выходит далеко за пределы специалистов в узком смысле.

Знакомым с жизнью арабских стран до войны было известно, что идея академии не нова. Одним из сильных пропагандистов ее являлся умерший в 1914 году Ж. Зейдан,

редактор известного во всем мусульманском мире журнала «аль-Хияль» (Новолунне), популярный романист и историк. Основной задачей этой академии, по его идее, должно было явиться составление полного словаря арабского языка и свод материалов для истории арабской литературы, если самое составление ее по научным соображениям окажется теперь еще преждевременным и невыполнимым. Правильный подход к решению первой задачи обещал осветить жизненный для всех арабских стран вопрос об отношении современного литературного языка к классическому и разговорному, о возможности поднятия одного из современных диалектов до степени общего для всех литературного, взамен поддерживаемого теперь в этой роли мертвого классического и т. д. Разработка всех этих вопросов, вероятно, помогла бы арабскому языку выйти из того тупика, в котором он находится: боязнь национального разъединения препятствует сознательным умам отказываться от устаревших норм классического языка, хотя он непонятен без долгой школьной выучки. Переход к какому-нибудь разговорному диалекту, как литературному орудию, повлек бы распадении арабских стран на ряд отдельных областей с непонятными друг для друга языками. Теперь же они объединяются единым литературным языком, хотя и одинаково для всех условным. История арабской литературы, являвшаяся, по мысли Зейдана, второй задачей академии, до сих пор не существует, как это ни странно, на арабском языке — европейские ориенталисты в этом отношении опередили арабов. Общую схему с своей точки зрения наметил сам Зейдан в 4-х томной работе, последнем труде его жизни, законченном в 1914 году.

Известие об основании академии в Дамаске, а не в Каире, где за последние десятилетия особенно интенсивно развивалась арабская литература и наука, заставило друзей арабского народа несколько смутиться. Можно было опасаться, что местный провинциальный патриотизм воспользуется большим политическим разъединением, которое создалось теперь между двумя основными очагами современной арабской культуры — Сирией и Египтом, и вызовет едва ли полезное для общего дела соперничество. По счастью, список членов-основателей новой академии показал, что хотя центром ее является Дамаск, по своей идее она охватывает все арабские страны. Задачи ее в значительной мере шире и несколько более расплывчаты, чем та схема, которую рисовал Зейдан. К сожалению, обо всем этом приходится судить не на основании трудов академии, которая успела уже выпустить несколько томов своих изданий, а по сведениям из вторых и третьих рук, главным образом, в специальных заграничных журналах.

Почти все крупные центры современной арабской жизни представлены в новой академии. Среди ее членов-учредителей мы находим жителей главнейших сирийских городов—Дамаска, Бейрута, Алеппо, Захла, Иерусалима, Джебель Амуль, из месопотамских—Багдада, из африканских—Каира, Туниса, Алжира, из турецких—Константинополя, где арабская колония всегда играла важную роль не только по своей численности, но и по влиянию. Не менее показателен и личный состав членов, где мы встречаем и христиан, и мусульман, притом разных направлений и толков. Центром академии служит Дамаск, как место пребывания президиума; естественно, что в Дамаске сосредоточено большее в процентном отношении количество членов.

Президентом академии является Мухаммед Курд Али, писатель и публицист, мусульманин, неоднократно путешествовавший по Европе. Он хорошо известен в мусульманском мире и среди ориенталистов газетой и журналом «аль-Муктабас» (Светоч), которая издавалась им одно время на его родине в Дамаске, одно время, в силу денатурных условий, в Каире. Журнал был интересен тем, что уделял большое внимание памятникам арабской литературы, и не малое количество произведений стало известно Европе благодаря Курд Али, который извлек их из рукописей разных собраний. Его деятельным сотрудником в этом направлении был другой член академии Абдуль-КаDIR аль-Магриби, потомок одного из сподвижников известного борца за самостоятельность Алжира против французского эмира Абдуль-Кадира, вместе с ним поселившегося после высылки с родины в Дамаске. Багдад имеет интересных представителей и мусульман, и христиан.

Среди первых встречаем одного члена знаменитой семьи Алюси, давшей много ученых, пользующихся популярностью в мусульманских богословских кругах; новый член академии известен как единственный арабский ученый, представивший (в 1889 г.) свое сочинение на премию шведского короля Оскара за лучшую работу по истории и быту доисламских арабов.

Второй член академии — патер Анастас Кармелит, до войны издававший в Багдаде журнал «Лугат-аль-Араб» (Арабский язык), посвященный языку, литературе, быту и истории арабской Месопотамии. Несмотря на то, что журнал существовал только с 1912 года, еще до войны он приобрел почетную известность у европейских ориенталистов за свои ценные материалы и наблюдения. Имя самого о. Анастаса связано с рядом открытий литературных памятников верхне-месопотамской секты Иезидиев и дешифровкой их; не задолго до войны он предпринял издание считавшегося до того утраченным древнейшего арабского словаря VIII века Китаб ал-айн

(книга об айне), названного так по первой букве, с которой словарь начинался. Ему посчастливилось найти в различных библиотеках Месопотамии до пяти рукописей этого единственного в своем роде произведения.

Среди бейрутских деятелей особого упоминания заслуживает иезуит Люис Шейхо, профессор университета св. Иосифа, едва ли не крупнейший из современных арабских ученых, давно известный в Европе. Помимо ряда ученых трудов и изданий серии популярных учебников, эта известность основана на журнале «аль-Маширик» (Восток), редактором им бесценно с 1898 года. Шейхо является безусловно первым знатоком такой мало разработанной области, как литература арабских христиан, и в этой сфере у него нет соперников в Европе. В Бейруте мы встречаем и Ф. Тарраза, коллекционера и историка арабской периодической прессы за все время ее существования. В Каире один из членов академии Сарруф—публицист и писатель, долголетний редактор журнала аль-Муктабас (Изборник), оказавшего большие услуги арабскому миру популяризацией выводов европейской науки; второй—Ахмед Тимур, меценат и литератор, владелец одной из самых крупных частных библиотек, благодаря которой спасено много рукописных сокровищ—уников.

В Тунисе мы видим профессора высшей арабской школы аль-Хальдуния Хасана Хусни Абдалъ Ваххаба, получившего европейское образование, труды которого изданы частью на арабском, частью на французском языке; среди них выделяются работы по истории города Каиравана и арабского владычества в Сицилии. Представитель Алжира Мухаммед Бен Шенеб, один из крупнейших диалектологов и знатоков арабской литературы в Африке, автор и капитальных трудов, и целой серии статей в международной «Энциклопедии Ислама».

Новая академия объединяет таким образом все арабские страны: отсутствие Марокко и Аравии не должно поражать, так как обе области до сих пор, в смысле духовной культуры, не вышли из средневекового состояния и едва ли могли бы указать ученых, стоящих на одном уровне с названными. Всех членов объединяет знакомство с европейскими методами работы, приобретенное или во время прохождения европейской школы или самостоятельным изучением результатов, достигнутых на западе в области востоковедения. Представителей узко-традиционного религиозного направления мы здесь не видим ни среди мусульман, ни среди христиан; не видим и лиц, для которых центром деятельности является политическая, а не обще-культурная работа. Принцип религиозный, который еще так недавно являлся решающим в арабских странах, оттеснен, и всех деятелей объединяет, помимо, принцип национальный. В этом

смысле, если не по возрасту, то по духу, всех их можно считать младо-арабами, стоящими на прочной базе своего прошлого, проработанного европейскими методами. Все они не только люди отвлеченной мысли, но и практического применения ее: профессора, редакторы, журналисты, близко стоящие к жизни и ее нуждам. Можно думать, что это поможет им правильно подойти к своей задаче и найти пути для ее осуществления.

Большой такт и истинно научное понимание сказались в составе лиц, избранных заграничными членами молодой академии. Нужна была не малая доля гражданского мужества, чтобы в Сирии, находящейся фактически под французским управлением, включить в число избранных членом не только французов, но и немцев, англичан и вообще представителей всех народностей, насчитывающих крупных арабистов. Выбор их, по видимому, не всегда определялся абсолютным научным значением, а большей или меньшей близостью к культурной жизни современных арабских стран, но тем не менее здесь нет ни одного имени, которое не сделало бы чести любому востоковедному учреждению Европы.

Едва ли не главный процент пал на итальянцев, благодаря их большой близости к Египетскому университету в Каире. Здесь мы встречаем и читавшего лекции в этом университете ветерана семитических студий в Италии Jgn. Guidi, и его сотоварища по этим лекциям, римского профессора С. Nallino, знатока арабской астрономии и математики. Миланский профессор Е. Griffini долго жил в южной Аравии, где составил единственное в своем роде собрание арабских рукописей, благодаря которому уделел и теперь издан старейший арабский юридический *Согрус* первой половины VIII века. Из французов можно отметить тоже читавшего лекции в Египетском университете L. Masignon, видного знатока арабской философии. Среди представителей чистой науки, не имеющих связей с современным востоком, выделяется автор единственной справочной истории арабской литературы немец С. Brockelmann и редактор международной Энциклопедии Ислама голландец М. Th. Houtsma. Англия представлена недавно праздновавшим 60-летний юбилей Е. Browne'ом, который известен не столько как арабист, сколько знаток Персии, D. Margoliouth'ом, другом покойного Ж. Зейдана, переводившим его сочинения на английский язык. Америка дала R. Gottheil'я, бывшего одно время директором американского археологического института в Иерусалиме. Испания патера M. Asin'a, едва ли не лучшего знатока арабской средневековой философии, выпустившего к юбилею Данте большой труд о мусульманских источниках «Божественной Комедии».

Нет нужды, конечно, перечислять всех членов новой академии; по приведенным

именам видно, что арабам удалось то, что пока представляется немислимым в Европе после войны: объединить в одном научном учреждении не только все арабские страны, но и арабистов всех европейских стран. В понимании истинной сущности духовной культуры здесь восточный народ смело может быть назван учителем западных; уже в этом одном не малая заслуга арабской академии.

Судить о целях и работах академии за отсутствием в Петрограде ее изданий, конечно, слишком затруднительно. Насколько можно предполагать по содержанию отдельных выпусков, круг ее ведения захватывает всю область гуманитарных наук, не ограничиваясь только литературой и языком, при чем значительное внимание уделяется и вопросам искусства. Последнее очень показательно, так как до войны проблемки интереса к этой области замечались только в Египте или даже, вернее, в Каире.

Два начинания академии тоже представляют новосты для Сирии: одно из них—основание арабского музея, пример чего известен в Каирском Музее, основанном трудами Franz паша и Herz бей, которым и привадлежит ряд работ по материалам этого музея, равно как его каталоги, хорошо и по заслугам оцененные в Европе. Второе начинание, можно сказать, не имеет прецедентов: это основание библиотеки, посвященной специально ново-арабской литературе. До сих пор как на востоке, так и в Европе, интерес направлялся преимущественно в сторону классического периода; новая литература, насчитывающая около ста лет своего существования, настолько молода, что не признавалась предметом, заслуживающим серьезного внимания. Даже таких подготовительных мер, как собрание печатных произведений за XIX век, нигде не предпринималось в широком масштабе. Кое-что делала в этом направлении б. Хедивская библиотека в Каире и библиотека университета св. Иосифа в Бейруте, однако попытки носили случайный и не планомерный характер. Если академии удастся организовать эту библиотеку на правильной основе, то она явится единственным местом, где можно будет серьезно изучать ново-арабскую литературу, и уже это одно обеспечит ей постоянную благодарность всех интересующихся арабским востоком.

Одинаково знаменательны для современного востока и самый факт основания арабской академии, и состав ее членом, и ее первые начинания. Вероятно, не менее интересны будут ее первые шаги, и придется только с грустью пожалеть, что Россия и русские ученые все еще не могут непосредственно познакомиться с деятельностью своих собратий в арабских странах.